

МИФЫ и ЛЕГЕНДЫ

МАЙКЛ КЕРРИГАН

АНГЛИЙСКИЕ МИФЫ

ОТ КОРОЛЯ АРТУРА И СВЯТОГО ГРААЛЯ
ДО ГЕОРГИЯ И ДРАКОНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
FOLIANT
Астана

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Глава 1	
Англосаксонское вторжение	31
Глава 2	
Беовульф	63
Глава 3	
Датское господство	83
Глава 4	
Артуриана	107
Глава 5	
Благородные рыцари и прекрасные дамы	151
Глава 6	
Робин Гуд	165
Глава 7	
От пикси до Пака	189
Глава 8	
Буки и чудовища	203
Алфавитный указатель	219
Иллюстрации	223

ПРЕДИСЛОВИЕ

История Англии соткана из мифов. По крайней мере, все начиналось с тайн и легенд. Лишь постепенно появлялось нечто похожее на фактологическое повествование.

Крики моряков прорезали тишину холодного серого рассвета; ритмичный рокот волн прерывался скрежетом деревянного киля о береговой гравий. Потревоженные белые чайки взмывали вверх, как призраки, и падали, словно снежинки, кружили над водой, и утренний бриз разносил их возмущенное стенание.

Когда корабль тряхнуло и он неуклюже остановился, матросы выскочили на берег и, шлепая по мелководью, приступили к швартовке; лишь капитан застыл на месте, точно прикованный. Моряки бросились помогать своим товарищам с других шхун, идущих следом, но и тогда капитан даже не пошевелился; он как будто исчез. Утопая в складках широкого плаща, накинутого на плечи, он стоял неподвижно, как изваяние, вглядываясь в пейзаж, раскинувшийся перед ним, и на его лице, худом и изможденном, отпечаталось выражение тревоги. Очертания местности еще трудно было различить в тусклом свете раннего утра, но и в полумраке угроза угадывалась безошибочно.

НАПРОТИВ:
Брут сражается с гигантами на этой средневековой миниатюре из «Истории королей Британии» Гальфрида Монмутского. Разгром гигантов открыл путь к строительству городов, в частности Лондона.

ВВЕРХУ:
 Брут Троянский
 отправляется под
 парусами в Британию,
 из «Истории королей
 Британии» Гальфрида
 Монмутского,
 рукописи XV века.

Силуэты деревьев теснились до самой отметки прилива, покрывали склоны до самого горизонта, и нигде не было видно признаков жилья и человеческого присутствия.

Вынужденное бегство

Всего несколькими днями ранее принц Брут Троянский вместе со своей верной дружиной отплыл от берегов Галлии во главе маленькой флотилии. Здесь, на неизведанной земле, не было ничего, что могло бы сравниться с ухоженными полями и аккуратными деревушками, которые он оставил позади. Еще меньше эта дикая местность напоминала город Альба-Лонга в Лацио, где он родился. Отец Брута, Асканий, был сыном троянского героя Энея, взявшего в жены Креусу, дочь царя Приама. На самом деле оба супруга были потомками богов: Эней происходил от Афродиты, богини любви, а Креуса — от Юпитера, бога небес; но блистательные предки не помогли им в самую трудную минуту.

В конце десятилетней осады греческие захватчики все-таки нашли способ прорваться сквозь грозную оборону Трои. Они обманом проникли в город, спрятавшись внутри своего пресловутого «дара» — гигантского деревянного коня. С наступлением ночи воины незаметно выбрались наружу через потайную дверцу в его брюхе, убили часовых и распахнули ворота, чтобы впустить свою армию и застать спящих горожан врасплох.

Город захлестнуло волной убийств и разрушений, и когда величественные башни Трои рухнули в огне, Эней и его близкие были вынуждены бежать.

Эней шел впереди, взвалив себе на плечи престарелого отца, Анхиса; юный Асканий плелся следом вместе с Креусой. Они добрались до корабля, где нашли убежище, и вышли в море. Впереди их ждали долгие годы скитаний, годы сражений — сначала на Сицилии, а затем в Центральной Италии, где против них ополчились все местные племена. В конце концов они вышли победителями, и спустя поколения их потомки основали город, много позже получивший известность как Рим.

Однако к тому времени Брут станет лишь далеким воспоминанием. А пока его положение было каким угодно, только не выдающимся. Как гласит история, он случайно убил своего отца стрелой; его изгнали из Италии, вынудив прокладывать собственный путь в этом мире. Впрочем, в каком-то смысле судьба Брута не слишком отличалась от судьбы его отца и деда: те же бесконечные войны и странствия. Высадившись в Галлии, он сражался с местными племенами, чтобы основать город Туронес — Тур в долине Луары. Но вскоре ему снова пришлось двигаться дальше.

Бесперспективное начало

Еще один рассвет, еще одна страна; новые враги, которых нужно победить, и территории, которые нужно покорить... Бруту предстояло проделать все это заново. Радовало, что остров на самом краю света оказался безлюдным и некого было усмирять; одна беда — здесь обитали чудовищные гиганты. По легенде, Брут и его спутники высадились на южном побережье Девона, недалеко от Тотнеса.

Гиганты оказались настроены отнюдь не благожелательно. Под предводительством грозного и жестокого Гоэмагота, или Гогмагога, они обрушились на незваных гостей, сея хаос. Но Брут и его воины не привыкли отступать. Они яростно сопротивлялись, зная, что от их мужества и решимости зависит, жить им или умереть, и одерживали победу за победой.

Со временем великанов перебили — всех, кроме самого Гогмагога. Он бросил вызов Бруту, потребовав назначить воина, который сразился бы с ним насмерть в рукопашном бою. Таким героем стал Кориней: после мучительно долгой и ожесточенной борьбы он сбросил Гогмагога со скалы, и великан разбился насмерть в местечке, ныне известном как Солкомб. (Этот эпизод запечатлен в самом названии Солкомб, производном от латинского выражения *Saltus Goemagot* — Прыжок Гоэмагота.)

ГИГАНТЫ ОКАЗАЛИСЬ НАСТРОЕНЫ
ОТНЮДЬ НЕ БЛАГОЖЕЛАТЕЛЬНО.
ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ
ГРОЗНОГО И ЖЕСТОКОГО
ГОЭМАГОТА, ИЛИ ГОГМАГОГА,
ОНИ ОБРУШИЛИСЬ НА НЕЗВАННЫХ
ГОСТЕЙ, СЕЯ ХАОС.

Море, как и омываемый им участок побережья, окрасилось кровью гиганта. По сей день за руинами замка Солкомба XVI века можно увидеть далеко внизу клочок земли, усеянный камнями ярко-красного цвета. Между тем Кориней увековечен в названии графства Корнуолл. И конечно же, страна в целом стала известна как Британия — имя Брута искажалось на протяжении веков.

Небылицы

Ни один современный ученый не воспринимает всерьез все эти байки. История Трои, осады и падения города относится к классической легенде. Как и последующие приключения Энея. Своими «знаниями» о жизненном пути Брута мы обязаны написанной анонимом в IX веке *Historia Brittonum* («Истории бриттов»), расширенной Гальфридом Монмутским (ок. 1095–1155 гг.) в его *Historia Regum Britanniae* («Истории королей Британии»). Даже современники Гальфрида признавались, что скептически относятся к его сочинению, как бы им ни хотелось верить в правдоподобность авторских описаний.

ВНИЗУ:
Мифологические предания об основании Англии были настолько скудны, что гиганта Гогмагога впоследствии зачастую описывали как двух персонажей — Гога и Магога.

Поэзия и престиж

Однако как только мы развенчиваем такие истории, нам открывается их истинная значимость. Начнем с того, что они обладают чисто развлекательной ценностью. Кого всерьез интересуют рассказы об узких речных долинах с крутыми склонами, когда можно послушать о храбрых героях, убивающих великанов? Мифы порой выглядят настолько более выигрышно на фоне унылой летописи событий, что приобретают особый, исключительный статус. Они могут на самом деле не быть «правдивыми» в обыденном, буквальном смысле, но создают полное ощущение достоверности; и это играет на руку престижу народа или государства.

Миф привносит поэзию в историю, которая сама по себе может быть слишком прозаичной. Когда о событиях рассказывают достаточно красноречиво, они приобретают возвышенный смысл. Взять хотя бы падение Трои, эпически воспроизведенное в «Илиаде» Гомера (слепого поэта VIII в. до н. э., о котором достоверно ничего не известно, и само его существование вполне может быть мифом); приключения Энея и его семьи после бегства, замечательно описанные римским поэтом Вергилием (70–19 гг. до н. э.) в поэме «Энеида». Этот искусно сотканный, смелый литературный эпос наделил обширную и могущественную империю Августа мифом о божественном происхождении, который первые читатели находили соразмерным величию их государства.

У большинства цивилизаций существовали подобные мифы в той или иной форме. История странствий Брута, его прибытия на побережье Девона и войны с великанами дарит Англии собственный миф о происхождении. Но это еще не все. Обеспечивая повествовательную связь между историей Англии и историей античной Греции и классического Рима, этот миф ставит холодную и дождливую страну (пока еще не претендующую на величие или славу) наравне с этими блистательными древними цивилизациями. Так что совсем не трудно понять, почему читатели в средневековой Англии очень хотели поверить в историю о Бруте.

ВВЕРХУ:
Гальфрид Монмутский
вовсе не историк
по современным
стандартам,
но как хроникеру
мифоистории
ему нет равных.

Roma

Dungsey Head

Ula R.

CORNABII

CARENI

MERTÆ

LOGI

CANTÆ

Lora R.

Firth of Tayne

Firth of Cromartie

CERONTES

CARNONACE

SILVA CALEDONIA

CALEDONI

VACOMAGI

ZEXALI

Spey R.

Dee R.

HORRESTI

VENICONTES

Edin R.

Firth of Forth

DAMNII

OTODINI

Tweed R.

EPIDI

Firth of Clyde

NOVANTÆ

SELGOVÆ

GADENI

Sobway Firth

BRIGANTES

PARISI

Humber R.

Warton deep

CORITANI

CORNAVII

ORDOVICES

SILVRES

Huici

ICENI

DEMETÆ

ANCALITES

ATRIBATHI

CATTIVELLAUNI

BIBROCI

TRINOBANTES

Blackwater

R. Thames

Severn

DOBUNI

BELGÆ

REGNI

CANTII

Rye Har.

Hartland Pt

Ostidamii

DUROTRIGES

DANMONII

REGNI

CANTII

Cape Cornwall

Corsivi

DUROTRIGES

DANMONII

REGNI

CANTII

Falmouth Hav.

Lizard Point

I. of Wight

Orkades, Inscitæ or the Hebrides

HIBERNIÆ, PARS

Миф и контрмиф

Не сказать, что Англия так уж стремилась это признать. Когда шекспировский Джон Гонт (в пьесе «Ричард II», ок. 1595 г.) говорил о своей родине как о «царственном острове», «троне королевском» (здесь и далее перевод М. А. Донского), он делал акцент на том, что сама природа обустроила его страну как «крепость». «Серебряная оправа океана», по его словам, словно «замковой стеной иль рвом защитным» ограждала остров. Образ поистине яркий и, на первый взгляд, убедительный: сорок с лишним километров открытой, порой бурной, воды и в самом деле служат препятствием.

Однако с точки зрения исторической перспективы море в равной степени представляло собой и барьер, и открытую магистраль — особенно в ту пору, когда передвижение по суше было куда более медленным и трудным, чем в наши дни. Во времена Средневековья путешественник обычно рассматривал открытую воду как приглашение: сухопутный маршрут через горы, унылые вересковые пустоши, густые леса и коварные болота становился настоящим испытанием. Так что первые века истории Англии ознаменовались чередой захватнических вторжений с моря, и каждое из них меняло страну и помогало формировать ее будущее.

Пешеходный маршрут

Первые англичане, как и их последователи, тоже были выходцами из континентальной Европы. Однако в отличие от заморских гостей они, похоже, совершили путешествие по суше.

В эпоху великих оледенений, которая началась около 2,5 миллиона лет назад и закончилась лишь около 10 тысяч лет назад, в ледяных щитах глубиной до 3,2 километра могло быть заключено столько воды, что уровень моря оказался намного ниже, чем сегодня. Подчас на 125 метров ниже, и в течение длительных периодов (сотен тысячелетий) ныне известный нам пролив Ла-Манш и южные участки Северного моря представляли собой возвышенности, хотя местами и заболоченные и пересеченные ручьями. (Английская Темза и французская Сена образовывали единую реку.)

Доггерленд, как окрестили этот массив суши (в Северном море и по сей день сохраняется широкая песчаная отмель Доггер-банка), вполне обоснованно можно было бы назвать сухопутным мостом, хотя это подразумевало бы совершение сознательных переходов. Но древние сообщества вряд ли что-либо знали о путешествиях.

Их образ жизни охотников-собирателей был кочевым по своей природе. Хотя они всегда были в движении — следовали

НАПРОТИВ:
Достижения «антикваров» раннего Нового времени скорее смахивают на мифологию, чем на историю. Эта антикварная карта XVIII века отображает территории британских кельтских «племен» до прихода римлян.

СПРАВА:
Суонскомбский череп — один из нескольких ископаемых фрагментов, обнаруженных на раскопках в Западном Сассексе в 1935–1936 годах. Представляющий *Homo heidelbergensis*, он, как полагают, принадлежал молодой женщине.

за мигрирующими стадами, искали лучшие источники ягод, орехов или моллюсков, — их нельзя назвать «путешественниками» в привычном для нас понимании.

Tabula rasa

Самые ранние признаки (каменные орудия труда и отпечатки ног) человеческого присутствия, обнаруженные в Англии, оставлены гоминоидным предком современного человека около 900 тысяч лет назад на территории нынешнего побережья Норфолка. Старейшие ископаемые останки, найденные при раскопках, старше 500 тысяч лет. Следы *Homo heidelbergensis*, Гейдельбергского человека, выявлены исследователями в Западном Сассексе, а останки неандертальца обнаружили в Кенте.

Мы не знаем, что стало с этими общинами. Наиболее ранние свидетельства жизни современных людей (*Homo sapiens*) в Англии датируются всего 40 000 лет, и страна, по-видимому, не была постоянно заселена примерно до 10 000 года до н. э., когда Европа вступила в эпоху, которую эксперты называют неолитом или новым каменным веком. Великим новшеством, давшим название этому периоду, стало зарождение сельского хозяйства, что повлекло расселение людей оседлыми, фиксированными общинами.

Кочевым охотникам-собираателям приходится путешествовать налегке; неудивительно, что они не оставили после себя большого археологического наследия, кроме причудливого наконечника стрелы или каменного лезвия. Между тем земледельцы имеют хижины и деревни; размечают обрабатываемую территорию канавами и насыпями — даже проложенные ими борозды выдерживают испытание веками. Со временем возникают различия по уровню власти и статуса, и начинается накопление богатства и сокровищ. Авторитет отдельных людей или целых сообществ утверждается во впечатляющих работах из земли и камня.

На языке камней

Намеками на ритуальную и духовную жизнь неолитических обитателей Англии нас соблазняют бессмертные памятники, которые они оставили после себя. Как те, что разбросаны по всему графству Уилтшир. Земляной «курган», или могильник, в Западном Кеннете возведен около 3650 года до н. э., и до полусотни тел умерших помещены в камеры-пещеры, построенные из огромных каменных плит. Неподалеку, в Эйвбери, находится уникальный хендж — комплекс земляных сооружений и каменных кругов, построенный около 3000 года до н. э. Он кардинально отличается по своему внешнему виду от Стоунхенджа, возведенного примерно в то же время и неподалеку, но нам не дано объяснить эту разницу.

Точно так же мы не можем объяснить назначение тщательно выстроенного, потрясающе симметричного мелового кургана, поднявшегося в Силбери-Хилл около 2400 года до н. э. По крайней мере, такие памятники напоминают нам о том, что жизнь людей эпохи неолита имела религиозное и ритуальное измерение. И справедливости ради стоит добавить к этому еще образный и мифический аспекты.

Непрочитанные мифы

Тем не менее следует признать, что мы действительно очень мало знаем о жизни в Англии в эти ранние доисторические времена. И еще меньше знаем об историях, которые рассказывали люди. На основе того, что известно о мифологиях других сообществ охотников-собираателей по всему миру, которые сохранились до наших дней и изучены антропологами, можно предположить, что у древних были собственные повествования, объясняющие происхождение и организацию их миропорядка.

Вполне вероятно, что они рассказывали и о важных «тотемных» животных, на которых охотились.

К мифам, подобным этим, жителям неолита следовало бы добавить истории, объясняющие плодородие земли, влияние

МОРЕ ВНИЗУ
ОКРАСИЛОСЬ
КРОВЬЮ
ГИГАНТА.

A wide-angle landscape photograph showing a misty or foggy day. In the foreground, a grassy field is dotted with several tall, dark, rectangular standing stones. A long, low stone wall stretches across the middle ground, leading towards a large, rounded mound or hill in the distance. The background features rolling hills and a line of trees, all shrouded in a thick mist. The sky is filled with heavy, grey clouds, with some light breaking through near the horizon.

**Хендж в Эйвбери простирается
более чем на 11 гектаров.
Истоки этого памятника столь
же туманны, как уилтширский
рассвет. Мы можем только
догадываться о духовной
или церемониальной функции
этого памятника.**

погоды и смену времен года. И главное, «смерть» солнца зимой и его возвращение весной. Древнейшие английские земледельцы, должно быть, испытывали почти головокружительное чувство беспомощности, когда каждый год приближалось зимнее солнцестояние с его холодом и темнотой. В современном мире зима на большей части территорий бывает в худшем случае ежегодным неудобством; однако на протяжении многих тысячелетий она приводила общества к краю пропасти.

В сохранившихся записях древних мифологий, — скажем, в преданиях ранних цивилизаций Месопотамии или Египта, — обычными сюжетами предстают природные явления наряду с вечными человеческими заботами, такими как любовь и война. Вероятно, то же относится и к Европе эпохи неолита. Хотя нам ничего не известно доподлинно, но в одном мы можем быть уверены: в культурном отношении доисторическая Англия не была чистым листом, только вот у нас даже нет возможности приступить к чтению.

ВНИЗУ:
Силбери-Хилл
возвышается
на 39,3 метра над
сельской местностью
Уилтшира.

Кельтская неразбериха

Кое-что проясняется с приходом кельтов около 500 года до н. э. Однако с учетом того, что у них, по-видимому, существовало религиозное табу на письменность, мы опять-таки не можем «читать» их культуру в буквальном смысле слова.

Среди многих загадок, окружающих кельтов, — то, откуда они пришли изначально. Согласно исторической хронике, с тех пор как таковая ведется, кельты ассоциируются с западной окраиной Европы — размытой береговой линией, простирающейся от Шотландии через Ирландию, Уэльс и Корнуолл до Бретани и далее до Галисии на северо-западе Испании.

Впрочем, совсем не факт, что они родом именно оттуда. Очевидно, что на протяжении большей части середины I тысячелетия до н. э. кельты расселились почти по всей Западной, Центральной и Южной Европе — и даже на оконечности Азии, на территории нынешней Турции. Каким бы ни было их происхождение, долгосрочное переселение этих племен на западный периметр Европы произошло значительно позже, когда они были вытеснены с исконных земель расширяющейся Римской империей. Преимущественно гористые, влажные и болотистые, примыкающие к Атлантике области были обречены страдать от нищеты и голода вплоть до недавнего времени. Римляне без всякого сожаления оставили их непокоренными или, по крайней мере, малонаселенными.

Долгое время эксперты утверждали (а некоторые до сих пор уверены), что эти обитатели Атлантики начали свой путь из Центральной Европы, откуда распространились по всем четырем сторонам света. Совсем недавно исследователи указали на признаки того, что кельты действительно первоначально селились вдоль атлантического побережья Западной Европы и оттуда разбрелись по всему континенту.

НА ПРОТЯЖЕНИИ БОЛЬШЕЙ
ЧАСТИ СЕРЕДИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ
ДО Н. Э. КЕЛЬТЫ РАССЕЛИЛИСЬ
ПОЧТИ ПО ВСЕЙ ЗАПАДНОЙ,
ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮЖНОЙ ЕВРОПЕ —
И ДАЖЕ НА ОКОНЕЧНОСТИ АЗИИ,
НА ТЕРРИТОРИИ НЫНЕШНЕЙ
ТУРЦИИ.

Вторжение? Миграция?

Проникновение?

Для нас кельты остаются загадкой отчасти из-за ограниченности современного представления о том, что такое народ и что означает его появление в том или ином месте. Хотя нет ошибки в том, чтобы говорить о «приходе кельтов» в Англию, нелишне разобраться, насколько мы понимаем последствия этого пришествия. То же самое относится и к идее о том, что кельты прибыли в Англию как «захватчики», и к предположению, что их передвижение представляло собой «миграцию».

Великая экспансия кельтов, по-видимому, была серией эпизодических набегов небольших боевых отрядов, возглавляемых вождями-авантюристами. Мы знаем, что такие события имели место: они подробно описаны древнегреческими и древнеримскими авторами. Скажем, около 391 года до н. э. кельтская

ВВЕРХУ:
Обрамленный
руинами церкви
XVI века, кельтский
крест на острове
Инис-Лландуин
в Англии служит
напоминанием
о той роли, которую
кельты в конечном
счете сыграли
в христианизации
Британии в целом.

армия разграбила Рим. Чуть более века спустя (в 279 г. до н. э.) другая сила разрушила святилище в греческих Дельфах и убила там жрицу.

Идея кельтского воина ни в коем случае не миф, но она несправедливо затмевает другие, менее захватывающие, но, возможно, более важные формы контактов. Некоторые исследователи полагают, что основная часть контактов кельтов с более широким древним миром происходила посредством торговли. Говорят, что торговля была так же важна, как и война: экспедиции предпринимались бесстрашными торговцами, готовыми обменять предметы роскоши на еду и вино. По сохранившемуся до наших дней кельтскому оружию и из рассказов классических авторов мы знаем, что кельты преследовали идеал воина. Нам трудно судить о том, как далеко вниз по социальной лестнице простиралось это стремление и многие ли считали войну привычным образом жизни.

Культурное доминирование

Так или иначе, кельты путешествовали далеко и широко по континентальной Европе — и Британским островам, — собирая дань или получая коммерческую прибыль от сообществ на местах. Захватчики они на самом деле или нет, но культурными завоевателями их определенно можно назвать. Все, начиная с их изысканного искусства и богато украшенного оружия и заканчивая религиозными верованиями, перенималось другими

культурами по всему ареалу. Кельтские жрецы, или друиды, проводили свои церемонии в священных дубовых рощах. По словам классических авторов, ритуалы друидов строились на человеческих жертвоприношениях. Может, и клевета — кто знает? Однако археологические находки говорят о том, что это вполне может быть правдой.

Впрочем, кельты, похоже, не создали какой-либо более крупной, целостной и всеобъемлющей империи, даже если имеется достаточно свидетельств того, что они утвердились в качестве местных вождей на всех этих территориях. (Или, по крайней мере, что местные вожди были восторженными приверженцами кельтского образа жизни. Опять же трудно оценить, буквально ли кельты «завоевывали» земли, где преобладал их уклад.)

Точно так же мы не можем быть уверены в том, насколько глубокие изменения претерпели «кельтизированные» народы на самом деле. Несомненно, имело место определенное скрещивание. Однако в отсутствие какого-либо массового перемещения населения было бы чрезмерным упрощением рассматривать этих «кельтов» — народы, которых мы теперь считаем «кельтскими странами», — как истинных представителей отдельной «расы». Так что хотя современным языком более или менее принято говорить о тех же валлийцах или ирландцах как о кельтских народах, на самом деле это верно лишь с очень большой натяжкой.

ВНИЗУ: Легендарный кельтский бард Оссиан и сам был более или менее мифическим персонажем. Его «произведения» составлены шотландским поэтом Джеймсом Макферсоном (1736–1796 гг.).

ВВЕРХУ И СПРАВА:
Кельтские торквесы
железного века, такие
как Великий торквес
из Снеттишема I века
до н. э. (вверху),
опровергли идею
о том, что кельтское
ремесло было
грубым или в той
или иной степени
«варварским».

От памятников до монахов

Как и народы эпохи неолита, кельты оставили монументальный след. Форты на холмах, как Олд-Озуэстри в Шропшире (ок. 1000 г. до н. э.) или Мэйден-Касл в Дорсете (ок. 800 г. до н. э.), возможно, имели функциональное назначение, но Уффингтонская белая лошадь в Оксфордшире, выбитая на склоне холма, предположительно, во второй половине I тысячелетия до н. э., несомненно, представляет более религиозное или, по крайней мере, более образное измерение кельтского творчества. Впрочем, нам неизвестно, какую историю она рассказывает или что означает.

У кельтов явно была своя мифология, причем чрезвычайно богатая и сложная. Однако на протяжении тысячелетий она не записывалась. Мы знаем о ее существовании, поскольку истории передавались из уст в уста и сохранились благодаря пересказу последующим поколениям вплоть до наступления христианской эры, когда ирландские монахи начали отражать их в своих рукописях.

И переосмысливать. От лиц духовных вряд ли следовало ожидать, что они сохраняют приверженность древнему языческому пантеону. Монахи перекроили богов и богинь из старых сказаний, которые переводили с ирландского языка на средневековую латынь, в героев, героинь и великанов. Или в эс сидхе — ирландский народ фей. Эти персонажи обитали в отдельном, но смежном со смертными измерении и блуждали взад и вперед, пересекая границу между ними. (Правда, иногда похищали младенцев или даже взрослых мужчин и женщин и некоторое время держали их в своем собственном царстве.)

С чужих слов

Категорическое нежелание принять грамотность поставило кельтов в незавидное положение, поскольку вместо них самих записи стали делать их враги, чьи рассказы — единственная «история», которая у них сохранилась. С точки зрения классических авторов, кельты всегда представляли варварами.

Их свобода от цивилизации с ее разлагающим воздействием порой восхвалялась — служила своего рода палкой для битья по «мягкой» и «декадентской» греческой или римской культуре. Однако чаще всего такая свобода воспринималась как дикость. Традиция кельтов мазать волосы белой глиной и раскрашивать лица перед боем представляла их чуть ли не зверями для греков и римлян, даже если они не собирали головы своих побежденных врагов.

На самом деле кельты делали много другого, зачастую требующего высочайшего технологического понимания, мастерства и артистизма: от строительства дорог до создания потрясающих украшений.

ВВЕРХУ:
Юлий Цезарь перед
лицом ожесточенного
сопротивления
местных племен
во время первого
злополучного
римского вторжения
в Англию в 55 году
до н. э. Авлу Плавтию
спусть почти столетие
повезло гораздо
больше.

Рангом выше смертных, но ниже, чем божества, все эти персонажи поддерживали кельтскую мифологическую традицию, не нарушая нового христианского согласия.

Veni, vidi, vici

К концу I тысячелетия до н. э. Англия была такой же кельтской, как Коннемара или Гебридские острова. Но приход римлян все изменил. Они определенно явились как захватчики — хотя даже тогда их вторжение было настолько медленным и неуверенным, что могло казаться скорее бесконечным процессом, чем внезапно свершившимся фактом.

Veni, vidi, vici («Пришел, увидел, победил»), как известно, хвастался Юлий Цезарь (100–44 гг. до н. э.). Реальность, похоже, оказалась отнюдь не бодрящей. Цезарь, конечно, пришел на Британские острова в 55 году до н. э., но то, что он увидел, очень походило на кельтскую страну, из которой ему предстояло завоевать не более нескольких квадратных километров. Местные племена быстро отправили его восвояси; и хотя на следующий год он вернулся с более мощной и сильной армией, со второй попытки дела пошли не намного лучше.

Лишь почти столетие спустя, в 43 году, римские войска под командованием Авла Плавтия предприняли успешное вторжение, завоевав ту часть Англии, что лежала к югу от реки Хамбер и к востоку от Трента. Другими словами, юго-восток — и поныне

самый богатый уголок страны. Сменявшие друг друга полководцы захватывали новые территории, пока при Гнее Юлии Агриколе (40–93 гг.) вся Англия, большая часть Уэльса и часть Шотландии не составили провинцию Римская Британия.

Наряду с этим проходила тотальная романизация местной, кельтской, культуры. Римляне, великие централизаторы, неизменно насаждали собственную цивилизационную модель на захваченных ими территориях. Они исповедовали почти религиозную веру в ценность регламентации во всем — от риторики до строительства дорог, от искусства и литературы до школ и городского планирования. Однако в своем истинном религиозном мышлении бывали неожиданно открытыми.

Это качество проявлялось у них испокон веков. Еще италийскими племенами в доримские времена они следовали анархическим местным культам земли. Однако как только утвердились в качестве региональной державы с сознательными цивилизованными устремлениями, позаимствовали у греков готовый пантеон богов и богинь. Зевс, бог небес, повелитель молний, стал Юпитером; его обитающая на Олимпе жена Гера превратилась в римскую Юнону; богиня любви Афродита переродилась в Венеру; и список можно продолжить.

НЕИЗБРАННАЯ ДОРОГА

С возникновением Римской империи кельтская культура отошла в тень как географически, так и в плане престижа, став объектом снисхождения, если не презрения. Однако почти так же быстро последовала обратная реакция: к концу I века римский историк Тацит (ок. 56 г. — ок. 120 г.) выражал восхищение неукротимым боевым духом кельтов, их отказом преклонить колено перед римским правлением.

Эта романтизация продолжилась — привлекательность кельтских стран заключалась именно в их неуправляемой дикости, статусе аутсайдера по отношению к европейскому мейнстриму. С этой точки зрения кельтские страны вызвали смутно экзотические ассоциации с царством тайны и магии, бардовской лирики и эпической поэзии.

Кельтская память отчасти сохранится в артуровских романах эпохи Высокого Средневековья. Их возрождение после промышленной революции привнесло в английский миф важнейшую нотку очарования, привлекая читателей, бунтующих против безудержного материализма своего времени. Соблазнительно и то, что это как будто навредило на мысль об альтернативном курсе, которым могла бы пойти история Англии, — возможно, более красочном и самобытном.